

Александр Володарский

Инфанта и дядя Митя

Дядя Митя. Старший из трех братьев моего папы. Единственный из моих родственников – инженеров, учителей, врачей – человек искусства, или, как говорил мой папа, «паскудства». Когда дядя узнал, что папа с пяти лет таскает меня с собой на футбол, он был вне себя:

– Зачем? Ты что, хочешь вырастить из него идиота?!

Должен признать: если смотреть только наш футбол, это вполне вероятно. Когда комментатор по телевизору произносил фразу: «Автор гола...» – дядю передергивало:

– Автор чего?

– Митя, автор гола – это тот, кто забил гол, – терпеливо объяснял ему мой папа.

И дядя всегда попадался на эту провокацию:

– Кретин! – кричал он в телевизор комментатору. – Какой он автор? Автор музыки, фильма, книги – это я понимаю. А этот болван удачно пнул ногой мяч – и уже автор?!

Из всех авторов дядя больше всего ценил коллег-режиссеров.

– Можно посмотреть одно кино, ну два, но три подряд?! – жаловался мне мой старший брат-инженер, которого дядя Митя взял на какой-то закрытый просмотр. – И третий фильм – корейский. Два часа герой в лодке с женщиной. Хоть бы они куда-то причалили! Я говорю: «Дядя Митя, почти все зрители уже уплыли!». А он мне: «Ты ни черта не смыслишь, это шедевр!».

Дядя Митя, мой любимый дядя...

Первый, кто, прочитав несколько моих опусов, сказал:

– В этом что-то есть!

Первый, кто очень хотел мне помочь, но мало что мог сделать, потому что к тому времени давно был на пенсии.

Первый, кому я, приезжая в Москву, читал свои миниатюры, а он в свои восемьдесят смеялся так, что реально молодел на глазах...

Дядя Митя, сколько себя помню, не реже раза в год приезжал к нам в гости. Приезжал иногда с женой, иногда сам, но обычно в июне – на клубнику и на «Инфанту». Откуда в Киеве в июне клубника, понятно, а вот откуда «Инфанта»?

– Сеньорита, наденьте ваше парадное платье и ступайте в гостиную. Вас ждет сеньор Диего Веласкес, – строго приказал испанский король Филипп IV своей дочери Маргарите.

– Падре, я не хочу больше позировать, я хочу играть! – захныкала восьмилетняя девочка, недовольно встряхнув своими роскошными светлыми кудряшками.

– Сеньорита, вы не обычная девочка, которая может играть, когда вздумается, вы – инфанта, извольте повиноваться!..

Инфанту Маргариту придворный художник Диего Веласкес писал много раз. Холст, находящийся в Киеве, считался эскизом к портрету инфанты, который хранится в музее Прадо в Мадриде. Обычно под эскизом подразумевают нечто легкое, быстрый и точный набросок с натуры. Но бывает так, что в эскизе больше свежести восприятия, нежели в законченной картине. У маленькой Марго грустные глаза взрослой женщины. На ней роскошное платье и золотые украшения, но к ним она, похоже, безразлична, они ее только сковывают. Кажется, шепни – и она вмиг сбросит с себя всю эту красоту и убежит... История умалчивает, сколько дней девочка позировала художнику, но тут уместен каламбур: краски были масляные, и работа шла как по маслу!

В 1939 году замечательный художник Михаил Васильевич Нестеров последний раз посетил Киев, сходил во Владимирский собор, который вместе с Васнецовым и Врубелем некогда вдохновенно расписывал, а затем направился в находящийся буквально через дорогу Музей западного и восточного искусства. Точно известно, что это было в период с 10:00 до 18:00 и не в понедельник и вторник, потому что понедельник и вторник в этом музее – традиционно выходные, а первый четверг месяца – санитарный день, учтите. И под впечатлением Нестеров написал другу: «Был я в соборах, музеях. В бывшем музее Ханенко увидел удивительную «Инфанту» Веласкеса, сделавшую бы честь и самому Эрмитажу. Рядом с ней

в великом искусстве ее гениального автора все вокруг меркнет, как перед бриллиантом чистой воды оконные стекла»...

Как же попала работа Веласкеса в Киев, если специальным указом запрещалось вывозить за границу работы мастера? Долго владели картиной разные испанские доны, пока некоему дону Себастьяну позарез не понадобились песеты. В 1891 году «Портрет инфанты Маргариты» из собрания дона Себастьяна купил британский торговец картинами сэра Колнаги и тут же загнал ее знаменитому немецкому коллекционеру герру Веберу. А в 1912 году все сокровища Вебера поступили в Берлине на аукцион, где и приобрели «Инфанту» киевские коллекционеры Богдан Иванович и Варвара Николовна Ханенко, за что еще раз скажем спасибо упомянутым дону, сэру и герру. Интересно, что в Киеве и сейчас найдется несколько десятков человек, способных купить картину Веласкеса, и не одну, но это была последняя такая покупка.

Пару раз я, тогда подросток, ходил в музей с дядей, но, признаться, смотрел больше не на картину, а на него. Не думайте, едва войдя в музей, дядя Митя не бежал к «Маргарите». Как гурман, коротающий время за легкой закуской в нетерпеливом ожидании любимого блюда, дядя Митя не спеша шел по залам. Иногда ненадолго задерживался у какой-нибудь картины, как путник на знакомом перекрестке, словно вспоминая, куда идти дальше, и продолжал путь к цели. В зале с «Инфантой» он резко притормаживал у двери, недолго смотрел на нее издалека. Потом медленно приближался и останавливался на почтительном расстоянии, будто испанский простолюдин, не решающийся подойти ближе к монаршей особе. Затем дядя Митя несколько минут стоял молча. Мне казалось, он смотрит куда-то вдаль, поверх портрета, хотя там была голая стена.

– Добрый день, сеньорита!

– Дядя Митя, вы? Значит, прошел год, и снова наступило лето.

– Да. А вы все так же прекрасны!

– Это комплимент не мне, а художнику. А вот вы постарели. Но это не страшно. Я помню вас совсем молодым. Тут в музее постоянная температура. Расскажите, что на дворе?

– Лето, июнь! Еще нет жары. Поэтому дышится легко и хочется гулять.

– Гулять... Какое наслаждение гулять, я так давно не гуляла! Смотрительница говорила, что неподалеку от музея Бессарабский рынок, можно прогуляться туда.

– Конечно! Кстати, нынче на Бессарабке самая лучшая клубника не дороже двух рублей килограмм. Киевские хозяйки говорят, через неделю еще подешевеет, и можно брать на варенье...

Боже, о чем это я?! Не мог дядя Митя такое говорить, он понятия не имел, сколько стоит в магазине хлеб, не то что клубника на базаре. Тогда еще была жива его жена тетя Таня, она все покупала и говорила моей маме: «Ой, мой Митя – он же не от мира сего». А я слышал это и недоумевал: что в нем не так? Классный дядя... Постояв неподвижно, дядя Митя наконец замечал меня, делал мне знак головой и уходил быстро, не оборачиваясь, чтобы обязательно вернуться.

Я становился старше. Дядя Митя по-прежнему приезжал каждый год и в один из дней направлялся в музей. Мои родители посмеивались:

– Митя, ты куда? Опять к «Инфанте»?

Дядя Митя счастливо улыбался и уходил на долгожданное свидание. Странно, думал я, ведь в Москве и Третьяковка, и Пушкинский, а он все ездит к своей «Маргарите». Может, она похожа на какую-нибудь девочку из его детства в местечке Белая Церковь под Киевом – не знаю. Я не спрашивал.

Недавно я снова побывал в киевском музее, который нынче вновь носит имя супругов Ханенко. «Инфанта Маргарита» висит на том же месте. Когда я вошел в зал, у картины стояла молодая девушка – сотрудница музея, и рассказывала группе посетителей:

– Перед вами «Портрет инфанты Маргариты», с которым связана самая громкая история нашего музея. Когда появилась возможность ездить на Запад, одна наша сотрудница побывала в мадридском Прадо, где висит картина Веласкеса с тем же названием. Вернувшись, она сказала: «Похоже, у нас не Веласкес». Началась череда расследований, и оказалось, что наша «Маргарита» – копия, выполненная в мастерской Хуана дель Масо, зятя Веласкеса и его ученика. В то же время стало известно, что «Портрет инфанты» в Лувре также является копией. Лувр сразу признал, что у них копия. У нас это заняло больше десяти лет. Но, согласитесь, лучше честная копия, чем фальшивый Веласкес.

Согласиться?! Какого черта?! Я не верил своим ушам.

– Это не Веласкес? Не может быть! Чушь!

Я снова посмотрел на портрет. С портрета на меня глядела все та же, наверное, самая известная девочка в истории Испании.

– Привет, вы меня случайно не помните?

– Ну, знаете, всех не упомнишь. Тут за эти годы тысячи побывали.

– Я понимаю... Но у меня вопрос: ваш портрет кисти великого Диего Веласкеса?

– Во-первых, никто тогда не говорил, что наш придворный художник такой великий. А во-вторых, если бы вы знали, как я этих художников ненавидела, они мне все детство испоганили. Так что – разбирайтесь сами!

Я нагнулся – под портретом уже висела новая табличка. И на ней не было фамилии Веласкес. Мне стало жалко. Не Веласкеса, не себя, не бедной инфанты, которая, как я узнал, умерла в двадцать один год. Мне стало жалко дяди Мити, художника Нестерова, супругов Ханенко, которые наверняка были уверены, что покупают шедевр Диего Веласкеса, а потом я подумал: «Не надо никого жалеть». Мой дядя ходил смотреть на картину Веласкеса, и точка! И Нестеров считал, что это – Веласкес. И для меня это будет до конца моих дней «Портрет инфанты Маргариты» работы великого Диего Веласкеса. А тем, кто будет приходить в музей Ханенко и захочет любоваться не картиной Веласкеса, а холстом Веласкесового зятя, никто не мешает – «Инфанта» висит себе и нас переживет...

* * *

На этом можно было бы и закончить, но в Испании о гениальном мастере до сих пор ходят легенды, имеющие непосредственное отношение к нашей истории. Говорят, когда придворный художник Диего Родригес де Сильва Веласкес ругался с женой Хуаной де Мирандой, он отпрашивался с работы у короля Филиппа IV и приходил в мастерскую своего ученика и мужа дочери Франсиски – Хуана Батисты дель Масо. Заботливый зять ставил ему мольберт, доставал из погреба заветную бутылочку, и дон Диего, рассеяно потягивая херес, писал, почти не глядя на холст.

Как правило, выходил «Портрет Инфанта». Рачительный родственник художника складывал всех «Инфант» в углу мастерской и заботливо накрывал плащом. «Авторских копий много не бывает, пригодится на старости лет», – думал он не без основания.

Вот так Веласкес вдвоем со своим зятем частенько засиживались допоздна, и тогда его жена вместе с дочерью бросались искать загулявших художников. Дон Диего, взглянув на часы и предчувствуя такую опасность, волновался, а зять, смеясь, показывал ему ключ от замка, подмигивал и говорил:

– Не волнуйтесь, сеньор Диего, я запер двери надежно!

А потом добавлял два слова, ставшие позднее знаменитыми:

– ¡No pasaran!

